

Валерий ПОПОВ:

Надо быть хоть наполовину «серебряным»

ЗНАМЕНИТЫЙ ПИСАТЕЛЬ
РАССКАЗАЛ, КАК ОН
СКУЧНЫХ ЛЮДЕЙ
ПРЕВРАЩАЕТ В НЕСКУЧНЫХ

— Как вы считаете, писатели пишут для писателей, для себя или все-таки для читателей?

— Я только что давал интервью на одном телеканале, где ведущие — молодые ребята — у меня спросили, какой я представляю свою аудиторию. И я ответил: «Такой, как вы: молодые ребята с веселыми глазами». Я не люблю валять для писателей и стараюсь развеселить свою аудиторию, а если написанное не зацепило, тогда это напрасный труд.

Валерий Попов — человек деятельный, он успевает руководить коллегами по цеху, давать мастер-классы, писать книги и даже участвовать в театральном фестивале «Залай, Бродячая Собака!..» Юрия Томошевского. 8 декабря Валерию Попову исполнилось 75 лет, а накануне «Вечёрка» побеседовала с писателем.

ВЫХОДИШЬ ИЗ ДОМА — И ВИДИШЬ НЕВУ

— Валерий Георгиевич, позвольте спросить: на чем застиг вас юбилей? В каком состоянии он вас застукал?

— В хорошем состоянии (улыбается). Сначала я в Париже общался и продавал свои книги в салоне — роскошном доме, каких я никогда не видел, — у замечательной русской красавицы, моей читательницы. С ней, кстати, связана очень интересная история. Однажды я шел по улице Маяковского и у Снегиревки столкнулся с беременной женщиной, которая читала мою книгу «Жизнь удалась». Представляете, это было у самого приемного покоя роддома! Я ей сказал: «Не волнуйтесь, все будет хорошо — моя книга вам поможет!» Честно говоря, лучшего подарка я не мог себе представить, запомнил это на всю жизнь. И вот в Париже подходит ко мне русская красавица и говорит: «Вы меня не помните, а я вас помню — я та самая девочка, которая была у мамы в животе, когда она с вашей книгой шла рожать в Снегиревку. Вы тогда с ней встретились, и она мне об этом всю жизнь рассказывает».

Это было 37 лет назад, девочку назвали Полина, она выросла, вышла замуж за француза, стала профессором-славистом, читает курс русской и советской литературы... Но история продолжается: Полина приедет сюда, потом я поеду к ней в гости в Париж...

— Вы день рождения решили отмечать в «Бродячей собаке»...

— В «Бродячей собаке» намоленное место, что ли, такие портреты на стенах — великие и родные. Есть, например, портрет Сергея Шульца, который написал книгу «Невская панорама» — про все дома на Невском. Кстати, о доме №13 есть его статья и мой портрет — я в этом доме живу, в квартире Ирины Одоевцевой.

— Ощущаете нечто мистическое от-

того, что живете в такой знаменитой квартире?

— Нет, мистического ничего нет, но есть ощущение продолжения Серебряного века, что я должен быть таким же лихим, как эти поэты. Ну, хотя бы наполовину серебряным — дураком быть нельзя, только блистать и стараться. И я стараюсь — каждый день пишу, куда-то что-то посылаю... А вот если бы остался жить в Купчине, в котором лучшие годы погубил, то я не был бы так бодр к юбилею. А тут выходишь из дома — и видишь Неву, слышишь ее дыхание...

— Ну и, наверное, Ирина Одоевцева зарядила своей энергией ваше помещение?

— Да, несмотря на то что в конце жизни она была парализована, в ней было столько энергии, любви, что даже хватило на роман — она влюбилась в одного красавца мужчину.

ПИШУ НЕ ТАК, КАК ПРИНЯТО

— Валерий Георгиевич, часто слышу, как вас причисляют к наследникам прозы Михаила Зощенко, могу вспомнить фразу Бориса Стругацкого: «Валерий Попов — это Зощенко сегодня». А вы-то сами как относитесь к такому сравнению?

— Я откликнулся на это тем, что в серии ЖЗЛ написал книгу о Зощенко: она должна скоро выйти... Мы целый год бились над ней, редактор даже поседела — хотела, чтобы книга вышла к ноябрю, к московской книжной выставке «Нон-фикшн-2014» в Центральном доме художника, но не случилось. Однако мы продолжаем биться над ее выходом с Любовью Спиридоновной — она тоже человек хулиганистый, но и то сказала, что у меня слишком смелая гипотеза.

— А с чем были связаны проблемы? С финансами?

— С моей наглостью (улыбается). Что

я пишу совершенно не так, как принято. Я люблю ломать стереотипы. Некоторые думают, что Зощенко мучила власть, что Жданов его погубил. А я пишу, что Зощенко победил всех: его книги у людей на тумбочках, а Жданова сейчас вспоминают с большим трудом.

— Но отрицать, что на Зощенко повлияло «Ленинградское дело», нельзя — он же замкнулся в себе, стал мрачным, еще более нелюдимым...

— Согласен. Но когда я писал про Зощенко, мне было очень интересно: я нюхнул то время, прочувствовал переплетения и понял, что все не так, как мы думали. Это был такой расстрел ждановской команды. Ведь Жданов при всем том был успешный менеджер и его команда захватила многие города — ждановские ребята стали начальниками, и вот их теперь стерли... Это уже третья книга из серии ЖЗЛ: до этого я написал про Довлатова (с которым тоже была заваруха — говорили, что я написал не так, как принято) и про академика Лихачева... Кстати, за книгу о Дмитрии Сергеевиче Лихачеве я только что получил Премию губернатора. И вот теперь — Зощенко. Это мой вклад в городскую жизнь.

— Но вы и так много вложили в городскую жизнь...

— Да — сорок книг навалая. Стараюсь бесшабашный имидж создать (улыбается). Вот в прошлом году Премию правительства РФ получил — так называемую Медведевку...

— Звучит как название водки...

— Это очень хорошая премия. И, кроме того, она дает утроенную пенсию — что тоже очень важно.

ЛЮБЛЮ ВВЯЗЫВАТЬСЯ В СОМНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

— Хочу вернуться к Зощенко. Когда вы работали над книгой о Михаиле Михайловиче, какими источниками пользовались? Вы же наверняка посетили и последнюю квартиру писателя на Малой Конюшенной, превращенную в музей?

— Да, там очень деятельные люди работают. Мне помогли искусствовед Алексей Сёмкин и инженер Александр Бессмертный, фанат и потрясающий коллекционер Зощенко: он мне весь стол загрузил газетами, журналами 20 — 30-х годов. Я, например, узнал, что был такой журнал «На посту», узнал, что такое «Ленинградское дело», — я о нем совсем иначе думал... Могу сказать, что я подумываю написать и про Кирова: хочется еще одну эпоху, еще один кусок жизни «съесть». Но мне говорят, что я погублю свою репутацию — мол, мне, вольному писателю и диссиденту, нельзя писать про «сатрапа», про коммунистического деятеля. Но если мне дадут, то я напишу — люблю ввязываться в сомнительные истории. Я писал про Довлатова, которого хорошо знал: столько всего переплеталось, столько выпито вместе, что грех было все это из рук выпускать. А дальше меня втянули в это дело, и я написал книгу о Лихачеве, про которого очень многое понял, понял, как надо жить.

— Ну, Дмитрия Сергеевича часто называют совестью нации.

— Вы знаете, он часто совершал не то, что положено, делал лихие шаги... Дмитрий Сергеевич совсем не замшелый — он нервный и импульсивный, даже озорной, он — не скучный.

— А вы любите работать с нескучными персонажами?

— Я люблю из тех, кого считают скучными, сделать нескучных людей. Ведь и Зощенко считался скучным, а я его пытался показать красавцем и любимцем женщин, что действительно было в его жизни.

— Могу представить, что вы сделаете из Кирова...

— Пока я еще не решился писать о нем... Ведь существуют разные версии его гибели. Понимаете, есть такие умные люди, которые лучше меня знают, что можно писать, а чего нельзя. Но я их не боюсь.